

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Морской Сборникъ 1860 года, №№ 11, 12 и 13. — **Артиллерійскій Журналъ** 1860 г., №№ 11 и 12.

«Морской Сборникъ» 1860 года, №№ 11, 12 и 13.

Заканчивая еще одинъ годъ своего полезнаго существованія, «Морской Сборникъ» вполне обѣщаетъ, что и въ начинающемся 1861 году онъ, при содѣйствіи морскаго начальства, не только не измѣнитъ тому пути, по которому до сихъ поръ слѣдовалъ, но, напротивъ, даже еще улучшить его и расширить. Въ объявленіи, сдѣланномъ редакціею объ изданіи «Морскаго Сборника» въ 1861 году, между прочимъ, говорится :

«Не только допуская, но вызывая, сколь возможно, свободную полемику (въ приличныхъ, конечно, выраженіяхъ), какъ необходимое условіе всесторонняго обсужденія предмета, редакція, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ избѣгать дуализма въ общемъ направленіи журнала. *Флажъ* «Морскаго Сборника» обозначился уже, болѣе или менѣе явственно, на горизонтѣ русской литературы, съ 1854 года, и приобрѣлъ сочувствіе людей мыслящихъ и желающихъ успѣха развитію нашего отечества, ибо «Морской Сборникъ» постоянно стремился содѣйствовать этому развитію, на сколько оно

зависитъ отъ литературы вообще и морской въ особенности. Поэтому «Морской Сборникъ» не можетъ быть защитникомъ отсталыхъ и узкихъ воззрѣній, не можетъ быть представителемъ такихъ корпораціонныхъ интересовъ, которые не совмѣстны съ общими пользами государства, и, признавая *трудность* замѣненія тѣлесныхъ наказаній во флотѣ другими наказаниями, не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые не находятъ къ тому *никакой возможности и надобности*, даже относительно лучшей части командъ.»

И въ этихъ словахъ объявленія нисколько нѣтъ хвастливости. Въ послѣднія шесть лѣтъ своего существованія, «Морской Сборникъ», дѣйствительно, приобрѣлъ сочувствіе всѣхъ истинно желающихъ успѣха развитію нашего отечества, и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить уже и то, что журналъ этотъ до того распространился въ послѣднее время, что редакція его почла возможнымъ прекратить, съ настоящаго 1861 года, обязательную для лицъ морскаго вѣдомства подписку на него. «Эта обязанность (т. е. обязательная подписка) — говорится въ объявленіи — имѣвшая значеніе въ свое время и достигшая предположенной цѣли, нынѣ оказывается излишнею, потому что теперь «Морской Сборникъ» не читается только тѣми — весьма немногими — офицерами и другими чинами морскаго вѣдомства, которые не имѣютъ охоты къ чтенію вообще.» За то, прибавимъ мы, если подобныя лица и встрѣчаются въ морскомъ вѣдомствѣ, то у *сколькихъ* лицъ не только военнаго, но даже и гражданскаго вѣдомства можно найти на столахъ «Морской Сборникъ»? И это нисколько не удивительно, потому что, дѣйствительно, трудно указать на какой нибудь другой журналъ, который бы имѣлъ большее или даже равносильное «Морскому Сборнику» вліяніе на наше общество. Вообще, при обнаружившемся пробужденіи нашего общества, литература наша приняла почти исключительно обличительный характеръ: откапывались разныя злоупотребленія, разныя частныя случаи и выставлялись на общественный судъ и осмѣяніе. Только весьма немногіе журналы, и можно сказать, что почти во главѣ ихъ «Морской Сборникъ», не увлеклись этимъ общимъ направленіемъ, но стали доискиваться главныхъ причинъ существующихъ неустройствъ и затѣмъ средствъ къ уничтоженію этихъ причинъ. На первомъ планѣ, конечно, оказалась недостаточность образованія нашего общества. «Морской Сборникъ»

дѣятельно содѣйствовалъ какъ выясненію возможно лучшихъ началъ для распространенія правильнаго образованія, такъ равно и введенію возможной гласности въ управленіи морскими силами. И можно смѣло сказать, что вліяніе «Морскаго Сборника» не ограничилось лишь однимъ морскимъ вѣдомствомъ, а отразилось и на многія другія. Слѣдовательно, можно разсчитывать, что и впредь, при содѣйствіи морскаго начальства и при неусыпной дѣятельности редакціи «Морскаго Сборника», вліяніе этого журнала будетъ не менѣе благотѣльно и обширно и по тѣмъ вопросамъ, которые, въ настоящее время, выдвинуты имъ на первый планъ.

Между этими вопросами, первое мѣсто, въ настоящее время, занимаетъ во флотѣ судебная часть, и по этому предмету «Морской Сборникъ», согласно объявленію объ изданіи на 1861 годъ, «желаетъ въ особенности изслѣдовать и обсудить различныя системы морскаго судоустройства и судопроизводства, виды и степени наказаній, кто изъ начальниковъ во флотѣ имѣетъ право налагать наказанія, какія именно».

Изслѣдованія эти начаты были еще въ прошломъ году, рядомъ прекрасныхъ статей дѣйствит. стат. совѣтника Глѣбова о морскомъ судопроизводствѣ во Франціи, съ которыми мы ознакомили нашихъ читателей, на сколько позволяли то ограниченныя предѣлы нашего обозрѣнія. Въ разсматриваемыхъ нами номерахъ «Морскаго Сборника», именно въ №№ 12 и 13, появляется начало не менѣе интересной статьи: «Морское уголовное судопроизводство Англій», дѣйствит. стат. совѣтника К. Варранда. Статья эта представляетъ немалый интересъ и для не-моряковъ, потому что авторъ, прежде, чѣмъ приступать къ изложенію морскаго судопроизводства Англій, дѣлаетъ общій обзоръ не только гражданскаго судопроизводства, но и военнаго въ этомъ государствѣ. Устройство этого судопроизводства столь интересно и оригинально, что мы считаемъ вполне необходимымъ ознакомить нашихъ читателей хотя съ главными его чертами.

Весьма рѣзкою чертою въ англійскомъ судопроизводствѣ является то, что не только военные суды сильно отличаются отъ общихъ судовъ государства, но существуетъ еще довольно разительная разница въ судопроизводствѣ между военно-сухопутнымъ и морскимъ вѣдомствами.

Не вдаваясь въ подробности устройства гражданскихъ судовъ,

главныя основанія которыхъ состоятъ въ томъ, что каждый судится своими согражданами, замѣтимъ только, что обвиненный, прежде, чѣмъ будетъ посаженъ на скамью обвиняемыхъ или преступниковъ въ уголовномъ судѣ, имѣеть для своего оправданія еще двѣ гарантіи, которыя заключаются въ публичномъ допросѣ обвиняемаго черезъ полицейскаго судью, и приговоръ большаго суда присяжныхъ (grand jury).

Первый рѣшаетъ, подѣ строгою личною отвѣтственностію, слѣдуетъ ли содержать преступника въ тюрьмѣ до наступленія засѣданій уголовного суда; большой же судъ присяжныхъ, составляемый изъ образованнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ провинціи, рѣшаетъ, кого изъ лицъ, находящихся въ тюрьмѣ, слѣдуетъ отсылать къ уголовному суду.

«Этихъ-то двухъ гарантій—говоритъ г. К. Варранда—т. е. публичнаго допроса судьи и предварительнаго до суда разсмотрѣнія обвиненія большимъ судомъ присяжныхъ, лишены лица, подвергаемыя военному суду, какъ сухопутнаго, такъ и морскаго вѣдомствъ, потому что англійское законодательство признаетъ власть военныхъ судовъ только по преступленіямъ, относящимся непосредственно къ нарушенію благосостоянія арміи и флота.

«На этомъ основаніи, всѣ лица какъ военно-сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ подчиняются въ Англійи общимъ всему государству уголовнымъ обрядамъ и гарантіямъ: въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ—по всѣмъ преступленіямъ, которыя не имѣютъ прямаго отношенія къ порядку службы и сохраненію дисциплины, а въ морскомъ—по тѣмъ, которыя совершены не въ предѣлахъ гражданскихъ властей, и судятся тѣ и другія военнымъ судомъ лишь за тѣ преступленія, по которымъ законодательство полагаетъ, что гражданское начальство не имѣеть достаточно средствъ и спеціальныхъ свѣдѣній для преслѣдованія, изобличенія и наказанія.»

Вообще, военные суды признаются англійскимъ законодательствомъ какъ бы за необходимость, а ученѣйшими англійскими юристами всѣхъ вѣковъ — какъ изъятіе изъ закона общаго.

Но какъ ни отличны военные суды отъ гражданскихъ, но еще рѣзче разница между самыми военными судами, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомствъ. Извѣстно, что Англичане издавна уже весьма подозрительно смотрятъ на сухопутныя войска, между тѣмъ, какъ флотъ постоянно былъ предметомъ любви

и попеченія Англичанъ, какъ охранитель ихъ политическаго значенія, безопасности колоній и торговли, и всего благосостоянія какъ государства, такъ и частныхъ лицъ. Самое существованіе сухопутныхъ войскъ считалось какъ бы необходимымъ, временнымъ зломъ, и самыя постановленія объ ихъ управленіи—тоже временными. Только уже при Вильгельмѣ III (въ 1689 году) изданъ былъ парламентомъ такъ называемый «Mutiny act», т. е. законъ о бунтѣ, названіе котораго постоянно придавалось и дается до сихъ поръ всѣмъ послѣдующимъ узаконеніямъ, изданнымъ для управления сухопутною арміею.

Первоначально актъ этотъ заключалъ въ себѣ только постановленія противъ главныхъ преступленій: возмущенія, подговора и побѣга, и опредѣлялъ наказанія по онымъ; впоследствии же времени законъ этотъ принялъ болѣе обширные размѣры и современемъ законами о бунтѣ всѣ главнѣйшія военныя преступленія подчинены военнымъ судамъ.

«Этимъ актомъ (т. е. Mutiny act)—говоритъ г. К. Варранда—предоставляется верховной власти, т. е. королю, по представленію отвѣтственнаго министра военныхъ дѣлъ, общія воинскія постановленія, издаваемые парламентомъ, дополнять и объяснять особыми постановленіями, не измѣняя только законовъ; въ этомъ актѣ заключающихся, относительно наказаній капитальныхъ (capital). Опредѣленіе наказанія для всѣхъ остальныхъ преступленій, равно и всѣхъ проступковъ, предоставляется верховной власти, посредствомъ издаваемыхъ отъ нея воинскихъ артикуловъ.»

Затѣмъ самое назначеніе суда, производство его и утвержденіе приговора въ военныхъ судахъ сухопутнаго вѣдомства совершенно отличны отъ вѣдомства морскаго, уголовное законодательство котораго имѣетъ совсѣмъ другую роль въ составѣ общаго законодательства государства, чѣмъ постановленія для военно-сухопутныхъ силъ. «Въ самомъ дѣлѣ — говоритъ г. К. Варранда — учрежденіе морскихъ военныхъ судовъ имѣетъ основаніемъ законы положительныя, принятыя для постояннаго руководства, какъ и всѣ прочіе законы государства, а нисколько не временныя мѣры, лишь допускаемыя на извѣстный срокъ, какъ въ военномъ вѣдомствѣ. Не надо заключать, однако, изъ этого, чтобы они были опредѣлительнѣе. Напротивъ, они, можетъ быть, еще менѣе точны, нежели уголовныя постановленія сухопутнаго военнаго вѣдомства. Это происходитъ, можно почти сказать положи-

тельно, отъ излишняго попеченія Англіи о своемъ любимцѣ—флотѣ, и, какъ всякое лишнее попеченіе, опека эта отчасти и вредна для опекаемаго. Отвергая совершенно армію изъ состава постоянныхъ государственныхъ учреждений, Англія, напротивъ, всѣми силами желаетъ слить учрежденіе флота со всѣми гражданскими учреждениями. Результатъ этого стремленія обнаруживается въ подчиненіи морскихъ уголовныхъ военныхъ судовъ высшимъ государственнымъ судебнымъ учреждениямъ. Такимъ образомъ, морскіе уголовные суды, имѣя составъ и значеніе, одинаковыя съ военными судами арміи, контролируются, въ своихъ дѣйствіяхъ, уголовными судами гражданского вѣдомства.»

Очертивши различіе между англійскими гражданскими и военными судами, какъ сухопутнаго, такъ и морскаго вѣдомствъ, г. К. Варранда приступаетъ къ разсмотрѣнію собственно морскихъ судовъ, ихъ вѣдомства, наряда и состава ихъ, производства въ нихъ слѣдствій, дѣлопроизводства и проч. Не слѣдя за авторомъ въ этихъ его изслѣдованіяхъ, мы окончимъ нашу замѣтку слѣдующими словами г. К. Варранда, которыми онъ оканчиваетъ свое изложеніе морскаго судопроизводства въ Англіи и которыя насъ еще болѣе побуждаютъ не распространяться болѣе о настоящемъ устройствѣ этихъ судовъ.

«Изложенныя въ этой запискѣ правила морскаго судопроизводства Англіи—говоритъ г. К. Варранда—въ непродолжительномъ времени, должны подвергнуться довольно значительнымъ измѣненіямъ. Въ іюнѣ настоящаго года, первымъ лордомъ адмиралтейства представленъ въ парламентъ проектъ закона для суда и наказанія преступленій и проступовъ (bill of a naval discipline).»

«Проектъ этотъ внесенъ былъ въ верхній парламентъ и имъ уже разсмотрѣнъ, и нынѣ переданъ въ нижній парламентъ, но остался не утвержденнымъ до слѣдующей сессіи парламента.»

«Безъ сомнѣнія, пренія, которыя этотъ проектъ возбудитъ въ нижнемъ парламентѣ, въ слѣдующую зиму, будутъ весьма интересны и поучительны, такъ какъ этимъ новымъ закономъ полагается ввести довольно значительныя измѣненія, въ особенности по опредѣленію исправительныхъ наказаній нижнихъ чиновъ за проступки, не подлежащіе разсмотрѣнію суда. До сихъ поръ, какъ выше сказано было, наказанія этого рода зависѣли совершенно отъ произвола капитана. Новый законъ имѣетъ цѣлю»

ограничить, въ нѣкоторомъ отношеніи, произволь капитана тѣмъ, что по каждому проступку нижняго чина, до опредѣленія ему наказанія, должно быть произведено предварительное изслѣдованіе однимъ или нѣсколькими офицерами, которые должны представить командиру заключеніе свое о виновности обвиняемаго.»

Между другими статьями «Морскаго Сборника», представляющими живой интересъ не для однихъ только моряковъ, слѣдуетъ замѣтить статьи: въ № 11: «Возможно ли основательное образованіе въ среднихъ училищахъ безъ древнихъ языковъ», Ст. Лебедева; «Фрегатъ Аскольдъ въ Японіи», лейтенанта Литке; «О броненосныхъ судахъ», Р. Мусселиуса; «Изъ записокъ офицера, служившаго на фрегатѣ Аврора» (продолженіе), лейтенанта Фесуна. Въ № 12: «О морскомъ образованіи во Франціи», В. Заруднаго; «Частныя благотворительныя общества для моряковъ купеческаго флота въ Соединенныхъ Штатахъ», г. Матиля; «Нѣсколько мыслей о дисциплинѣ во флотѣ», капитана 1-го ранга Ендогурова. Наконецъ, въ № 13: «Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній, за 1859 годъ», Н. И. Пирогова, и множество другихъ статей, болѣе или менѣе имѣющихъ специальное значеніе, о которыхъ недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ говорить въ нашемъ обзорѣи.

Статьи г. Ст. Лебедева и Н. И. Пирогова заслуживаютъ полного вниманія нашихъ педагоговъ и вообще занимающихся нашимъ отечественнымъ образованіемъ. Въ статьѣ г. Ст. Лебедева весьма положительно, ясно и отчетливо доказывается необходимость изученія древнихъ языковъ въ нашихъ среднихъ училищахъ и чрезвычайно логически опровергаются всѣ доводы приверженцевъ этого изученія. Въ коротенькой же замѣткѣ г. Н. И. Пирогова, извѣстный педагогъ главнѣйше возстаетъ совершенно справедливо противъ экзаменаціоннаго направленія, противъ оцѣнки не только свѣдѣній, но и самой нравственности (поведенія) учениковъ по цифрамъ и балламъ, противъ несоответственности наказаній натурѣ проступковъ, и, притомъ же, не ограничиваясь однимъ указаніемъ на эти недостатки, даетъ полезные совѣты для ихъ устраненія. Особенно г. Н. И. Пироговъ возстаетъ противъ несоответственности наказанія натурѣ проступка и, между прочимъ, изъявляетъ желаніе, что наказаніе розгами должно бы быть употребляемо возможно рѣже и съ

возможно большимъ разборомъ, потому что иначе наказаніе это можетъ только вредить, а не помогать. Онъ говоритъ:

«Страхъ и физическое сотрясеніе — вотъ дѣйствіе розги. Но страхъ, какъ это опытъ показываетъ, нисколько не зависитъ отъ степени наказанія, а отъ убѣжденія, что ни одна вина не останется безнаказанною. Сотрясеніе же полезно только въ тѣхъ проступкахъ, въ которыхъ воля виновнаго совершенно опустилась и ослабла, и, слѣдовательно, въ поступкахъ болѣе пассивныхъ и чисто животной натуры, дѣлая которые виновный забываетъ, что онъ человѣкъ, и превращается временно въ животное.»

Казалось бы, что можно покончить съ розгами въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ настоящее время, когда все болѣе и болѣе сознается бесполезность и даже вредъ тѣлесныхъ наказаній даже во флотѣ, при службѣ на которомъ наказаніе это считалось долго вполне необходимымъ. Странное дѣло—строгость наказаній и особенно наказаній тѣлесныхъ считалась крайне необходимою во флотѣ, а, между тѣмъ, въ настоящее время, флотъ заявляетъ вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, вопросъ, который поднять уже «Морскимъ Сборникомъ». Въ № 12 помѣщены «Нѣсколько мыслей о дисциплинѣ во флотѣ», извлеченныя изъ записки, представленной Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генералъ-Адмиралу, капитаномъ 1-го ранга Ендогуровымъ, въ октябрѣ 1860 года. Въ заключеніи этой небольшой, но въ высшей степени поучительной статейки, дѣлается предложеніе *«уничтожить вообще тѣлесное наказаніе для всѣхъ нижнихъ чиновъ во флотѣ, кромѣ тѣхъ, которые по суду будутъ лишены права изыятія отъ тѣлеснаго наказанія.»* Дѣйствительно, мѣра эта могла бы служить для нравственнаго поднятія солдата въ собственныхъ его глазахъ, а слѣдовательно и для болѣе прочнаго утвержденія дисциплины, которая, по справедливымъ словамъ г. Ендогурова, служитъ «основаніемъ всякихъ благоустроенныхъ военныхъ силъ». Дисциплина въ войскахъ утверждается на сознаніи всѣми чинами своего долга и обязанностей своего званія, на развитіи нравственнаго чувства нижнихъ чиновъ, на привязанности ихъ къ службѣ, на уваженіи къ мундиру и, наконецъ, на преданности къ начальникамъ.»

Для водворенія между нижними чинами дисциплины на по-

добныхъ основанійхъ; г. Ендогуровъ прежде всего считаетъ необходимымъ благородный примѣръ начальниковъ, считая, что «нравственное вліяніе ихъ вѣрнѣе поведетъ нижнихъ чиновъ къ истинной дисциплинѣ, нежели строгость законовъ и страхъ наказаній». Затѣмъ онъ полагаетъ, что «полезною мѣрою, которая могла бы заставить нижнихъ чиновъ дорожить своимъ званіемъ, было бы увеличить, по возможности, ихъ благосостояніе. Въ настоящее время, матросъ, получая отъ казны необходимое продовольствіе, не можетъ, однакожъ, изъ отпускаемаго ему содержанія не только удовлетворить своимъ незатѣйливымъ пріохотямъ, но даже самымъ законнымъ потребностямъ, на примѣръ: сходить еженедѣльно въ баню, сшить лишнюю пару сапоговъ и проч. Скопить что нибудь на службѣ матросу трудно, потому что даже деньги, заработанныя на валовыхъ работахъ въ адмиралтействѣ и на вольныхъ работахъ, большею частію кладутся въ харчевую сумму.

Но, удовлетворяя законнымъ потребностямъ нижнихъ чиновъ, капитанъ Ендогуровъ справедливо требуетъ, чтобы были сдерживаемы и незаконныя ихъ домогательства, которыя, дѣйствительно, всегда ведутъ только къ неуваженію подчиненными законныхъ властей.

«Совокупностію сихъ мѣръ—заключаетъ г. Ендогуровъ свои мысли—развивая сознаніе долга и любовь къ службѣ въ нижнихъ чинахъ, поддерживая уваженіе къ власти дисциплиной, мы образуемъ войско, проникнутое настоящимъ военнымъ духомъ, надежный оплотъ, готовый отразить всякаго врага, явится ли онъ съ мечемъ въ рукахъ или съ соблазномъ на языкѣ.»

— Въ статьѣ лейтенанта Фесуна: «Изъ записокъ офицера, служившаго на фрегатѣ Аврора» (помѣщенной въ № 12), необыкновенно интересно описано, какъ эскадра наша (въ 1855 году), ускользнувшая изъ Петропавловска, мимо англійскихъ крейсеровъ, успѣла втянуться въ Амуръ, гдѣ осталась на зимовку близъ только что устроиваемаго на этой рѣкѣ Николаевска. Дѣйствительно, занятіе Русскими устья Амура, основаніе тамъ перваго нашего поселенія, прибытіе туда эскадры контръ-адмирала Завойко и проведеніе ея къ Николаевску черезъ перекаты устья Амура,—все это такія дѣла, которыми, по справедливости, можетъ гордиться всякій Русскій. Николаевскъ представлялъ, въ то время, самое жалкое убѣжище, и можно сказать, что всего

незначительная горсть людей рѣшается оставаться въ немъ, съ самыми блестящими надеждами на будущее, нисколько не падая духомъ и не опасаясь сильнѣйшаго противника, который угрожалъ почти ежеминутнымъ нападеніемъ. Чтобы дать понятіе о томъ, что такое былъ Николаевскъ лѣтомъ 1855 года, считаемъ не лишнимъ привести слѣдующій рассказъ лейтенанта Фесуна, бывшаго въ то время на самомъ мѣстѣ:

«Не имѣя *положительныхъ* свѣдѣній, не зная почти никакихъ подробностей о планахъ и цѣляхъ высшаго начальства, при выборѣ Николаевска главнымъ пунктомъ на Амурѣ, я, просто какъ туристъ, рассказывающій о своихъ впечатлѣніяхъ, скажу, что скучнѣе, негостепріимнѣе на взглядъ и унылѣе этого мѣста трудно приискать по всему протяженію амурскаго устья, не отличающагося вообще привлекательностію, доступностію или удобствомъ своихъ береговъ. Мнѣніе это, повторю еще разъ, я высказываю здѣсь какъ свое личное впечатлѣніе, не сомнѣваясь, впрочемъ, что его раздѣляетъ большая часть моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ. Лишь только я вышелъ на берегъ, глазамъ моимъ представилась картина большаго цыганскаго табора: на низменности, между стволами только что срубленныхъ деревь, въ грязи, на грудахъ мусора и щепокъ, виднѣлись ряды палатокъ, служившихъ помѣщеніемъ для офицеровъ, женатыхъ нижнихъ чиновъ и даже для нѣкоторыхъ офицерскихъ семействъ, для которыхъ нехватало мѣста въ домахъ и казармахъ. Жены и дѣти прибывшихъ на транспортахъ изъ Камчатки, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, спустившимися по Амуру, — все это вмѣстѣ образовало массу народа, перебивающагося изо дня въ день, не знавшаго, гдѣ преклонить голову, и не имѣющаго никакой надежды помѣститься въ домахъ ранѣе октября!

«Повсюду между палатками виднѣлся дымокъ походныхъ артелей, приготовлявшихъ пищу, бѣгали грязныя, полуодѣтыя дѣти, суетились женщины, сновали домашнія животныя, и, какъ бы въ дополненіе картины, тамъ и сямъ виднѣлись почти голые Гиляки, смотрѣвшіе съ гордымъ спокойствіемъ дикарей на шумъ и движеніе, ихъ окружающіе. Далѣе, по направленію мыса Кузгда, ограничивающему Николаевскъ со стороны устья, тянулся рядъ большихъ палатокъ изъ парусовъ съ нашей эскадры. Въ палаткахъ этихъ помѣщался линейный полубаталіонъ, присланный генералъ-губернаторомъ для усиленія работъ по укрѣпле-

ніямъ, а въ случаѣ нужды и для прикрытія послѣднихъ отъ непріятельскаго десанта. Еще далѣе, на самой оконечности Кузгды, возвышались мерлоны довольно сильной батареи и копались люди, съ утра и до вечера работавшіе надъ приведеніемъ батареи этой въ возможно лучшій видъ. У самаго берега рѣки — опрокинутыя гребныя суда, выгашенныя для починки, грузы съ фрегата, корвета и транспортовъ, связанные въ огромныя кучи, множество орудій, якорей и различныхъ судовыхъ принадлежностей. Позади всего этого, позади палатокъ и далѣе въ берегъ, на полянѣ, вырубленной въ густомъ лѣсу, красовался самый городъ, столица края — Николаевскъ. Небольшая улица домиковъ, магазинъ Американской Компаніи и потомъ далѣе лѣсъ въ лѣвую сторону, нѣсколько казармъ посрединѣ и небольшая улица такихъ же домиковъ, упирающихся въ лѣсъ съ другой стороны — вотъ и весь городъ, какъ онъ былъ въ наше время. Среди этихъ незатѣйливыхъ строеній, не отличаясь отъ нихъ ничѣмъ, стоялъ на перепутьи небольшой домикъ о трехъ окнахъ, служившій помѣщеніемъ командующаго морскими силами. Этотъ «Gouvernement-House» нашей колоніи былъ меблированъ мебелью капитанской и адмиральскихъ каютъ фрегата «Паллада» и, пріютивъ прошлую зиму начальника амурской экспедиціи съ семействомъ, въ наше время, былъ единственнымъ мѣстомъ пристанища камчатскаго губернатора, прозимовавшего въ немъ съ 1855 по 1856 годъ съ женою и десятью человѣками дѣтей. Такъ какъ, за множествомъ другихъ, не менѣе важныхъ работъ, помѣщенія для всего люда, жившаго въ палаткахъ, могли посвятить не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и какъ холода въ низовьяхъ Амура наступаютъ очень рано, то понятно, что неминуемымъ слѣдствіемъ подобнаго житія-бытія должны были быть болѣзни и смертность, тѣмъ болѣе, что къ недостатку помѣщеній, изиуренію отъ необыкновенныхъ работъ и суровому климату присоединились нѣкоторыя лишенія въ пищѣ, въ особенности чувствительныя въ семействахъ женатыхъ нижнихъ чиновъ и даже въ семействахъ офицеровъ и чиновниковъ. На улицахъ встрѣчались унылыя лица, кладбище за Кузгдой порасширилось, и если было много такихъ личностей, которыя понимали, что значить колонизація въ новой странѣ и въ военное время, то за то, надо сознаться, многіе изъ насъ, пройдя сквозь безконечную вереницу трудовъ и лишеній, желали

наконецъ чего нибудь лучшаго! Замѣтимъ кстати, что большая часть нашихъ невзгодъ вытекала изъ непрерывнаго ожиданія непріятеля, и хотя союзники, въ 1855 году, дѣйствовали вообще чрезвычайно осторожно, но, усвоивъ понятіе объ ихъ предприимчивости по славнымъ преданіямъ великаго прошлаго, мы провели цѣлое лѣто въ ожиданіи рѣшительнаго нападенія. Рѣдко непріятель подходилъ на выстрѣль; но близость его присутствія мы постоянно чувствовали. Фальшивыя тревоги не прекращались до конца октября, и, привыкнувъ къ нимъ въ послѣднее время, въ іюнѣ и въ іюлѣ, мы, тѣмъ не менѣе, безпокоились, въ особенности же въ то время, когда эскадра не вошла въ рѣку и, стоя предъ барями въ полуразгруженномъ состояніи, представляла собою завидную приманку. Весною и въ началѣ лѣта, союзники выказывали болѣе дѣятельности, чѣмъ въ сентябрѣ и августѣ, и ихъ крейсера и пароходы непрерывно появлялись то съ сѣвера, то съ юга. Извѣстія объ этихъ налетахъ, передаваемыя въ Николаевскъ рядомъ сигнальныхъ постовъ и телеграфовъ, возбуждали тамъ лихорадку дѣятельности и безпокойство за участь фрегата и корвета.

Таково было положеніе этой новой колоніи съ блестящими надеждами на будущее, но съ самымъ незавиднымъ настоящимъ въ то время,—колоніи, учреждаемой въ самомъ разгарѣ великой войны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибъ только у непріятеля было побольше энергіи да поменьше осторожности, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ могъ бы совершенно подавить въ самомъ началѣ эти первые зачатки возникающей колонизаціи, тѣмъ болѣе, что численность нашихъ войскъ, въ то время, на нижнемъ Амурѣ была совершенно незначительна. Вотъ что по поводу численности войскъ на нижнемъ Амурѣ говоритъ лейтенантъ Фесунъ:

«Здѣсь будетъ не лишнее представить списокъ всѣмъ чинамъ морскаго вѣдомства, скопившимся на устьѣ Амура, по приходѣ къ Николаевску фрегата и пополненіи 47-го флотскаго экипажа людьми линейныхъ баталіоновъ, прибывшихъ изъ-за Байкала; въ этомъ же списокѣ показаны экипажи фрегатовъ «Аврора» и «Паллада» и часть діанской команды (*), пришедшей изъ Японіи на

(*) Съ фрегата «Діана», разбитаго совершенно бурей у береговъ Японіи.

бригѣ *Вильямъ Пенъ*: контръ-адмираловъ — 2; штабъ-офицеровъ — 17; оберъ-офицеровъ — 65; нижнихъ чиновъ — 1,668. Нестроевыхъ: офицеровъ — 18; нижнихъ чиновъ — 287. Штурманскихъ учениковъ — 15; кантонистовъ — 84. Если къ этимъ болѣе, нежели 2,000 народа прибавить 14-й линейный полубаталіонъ, въ числѣ 587 человекъ, женщинъ, дѣтей, казаковъ, переселенцевъ изъ Камчатки, переселенцевъ изъ-за Байкала, если вспомнить, что въ селеніи Кызи (Маріинскъ) находился 15-й линейный баталіонъ въ полномъ составѣ, то есть 1,124 человекъ (съ офицерами и нестроевыми), сводный казачій полубаталіонъ — 533 человекъ, шестая сотня Амурскаго коннаго полка — 148 человекъ, горнаго артиллерійскаго дивизиона — 94 человекъ, — если сосчитать все это вмѣстѣ, то мы получимъ около 5,000 человекъ, разбросанныхъ на протяженіи 300 верстъ и только что пришедшихъ съ разстоянія двухъ и даже трехъ тысячъ.»

Но, слава Богу, несмотря на эту слабость первоначальной колонизаціи, Николаевскъ уцѣлѣлъ и, хотя, быть можетъ, медленно, но, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ развиваться, и статья лейтенанта Фесуна, какъ разсказъ очевидца, будетъ служить современемъ немаловажнымъ матеріаломъ для будущаго историка Николаевска, тѣмъ болѣе, что статья эта, вѣроятно, не замедлитъ пополниться тѣми свѣдѣніями, которыя, вслѣдствіе ея появленія въ печати, непременно будутъ сообщены разными лицами, бывшими, въ то время, въ Восточной Сибири.

Такъ уже въ № 13 «Морскаго Сборника» напечатаны: «Замѣчанія бывшаго начальника амурской экспедиціи на статью г. Фесуна, напечатанныя въ «Морскомъ Сборникѣ» за іюль и августъ», Г. И. Невельскаго, — замѣчанія, которыя представляютъ весьма большой интересъ, но о которыхъ, къ сожалѣнію, мы уже не можемъ ничего сказать, такъ какъ обзоръ нашъ и безъ того уже выходитъ слишкомъ обширнымъ.

Въ заключеніе, однакожъ, считаемъ необходимымъ еще сказать нѣсколько словъ о новаго рода морскихъ судахъ, о роли которыхъ въ предстоящихъ войнахъ ходятъ самыя разнорѣчивыя слухи: это именно такъ называемыя броненосныя суда.

Въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ «Морскаго Сборника», сгруппировано наконецъ нѣсколько свѣдѣній объ этихъ судахъ въ статьѣ г. Р. Мусселіуса, и, пользуясь этимъ, мы хотимъ

ознакомить нѣсколько нашихъ читателей съ этого рода чудовищными судами.

Первое предложеніе покрывать суда желѣзною броню было сдѣлано извѣстнымъ французскимъ ученымъ, артиллерійскимъ генераломъ Пексаномъ; но идеи его не были испытаны на дѣлѣ, и только уже въ пятидесятихъ годахъ возобновили эту идею, для покрытія желѣзомъ особыхъ судовъ, называемыхъ пловучими батареями, назначаемыхъ исключительно для обстрѣливанія неприятельскихъ укрѣпленій и для защиты береговъ. Но усовершенствованія артиллерійскихъ орудій все болѣе и болѣе неоспоримо доказывали, что деревянныя суда не могутъ противостоятъ дѣйствию столь могущественной артиллеріи, которою нынѣ вооружены морскія силы Англій и Франціи, а потому и предложены были снова средства, дѣлающія суда не только не пробиваемыми ядрами, но и способствующія имъ, подобно таранамъ, врѣзываться и потоплять неприятельскіе корабли.

«Для этой цѣли — говоритъ далѣе г. Р. Мусселіусъ — два западныя государства построили, и продолжаютъ строить, огромной величины и удивительной крѣпости желѣзные корабли, приводимые въ движеніе сильными машинами.»

Но, какъ кажется, самъ авторъ статьи «О броненосныхъ судахъ», на основаніи опытовъ, произведенныхъ въ Англій, надъ дѣйствіемъ артиллерійскихъ снарядовъ противъ желѣзныхъ листовъ, не соглашается съ тѣмъ, чтобы желѣзная обшивка могла предохранить линейные корабли отъ артиллерійскаго огня большими снарядами. Однакожъ, самъ же авторъ сообщаетъ, что во Франціи уже спущены три блиндированные фрегата и столько же находится въ постройкѣ (*), и что, кромѣ того, императоръ Наполеонъ III «заложилъ въ Шербургѣ линейный корабль въ 300 футовъ длины, который предположено покрыть желѣзною броню, а къ носовой его части приспособить желѣзный таранъ. Корабль приводится въ движеніе паровою машиною въ 1,200 лошадиныхъ силъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что броненосныя суда еще боль-

(*) Въ Заграничной Морской Хроникѣ № 13 «Морскаго Сборника», сообщается, что, въ минувшемъ октябрѣ, императоръ Французовъ издалъ повелѣніе приступить къ постройкѣ неопредѣленнаго числа броненосныхъ фрегативъ, по образцу «La Gloire», перваго французскаго судна въ этомъ родѣ, блистательно выдержавшаго испытаніе.

шее развитіе получать съ принятіемъ для ихъ покрышки системы Джонса, въ наложеніи желѣзныхъ досокъ наклонно. Оказывается, изъ переведенной въ Смѣси № 11 «Морскаго Сборника» статьи англійской газеты «United Service Magazine», что желѣзныя доски, будучи соединены подъ извѣстнымъ угломъ, представляютъ несравненно большее сопротивленіе, чѣмъ когда бы онѣ были въ прямомъ совершенно положеніи. 68-фунт. ядра, пробивавшія отвѣсно поставленныя желѣзныя доски, не только не пробиваютъ наклонныхъ, но даже раздробляются о нихъ, такъ что опыты эти служатъ доказательствомъ, что суда, покрытыя наклонными досками по системѣ Джонса, можно, кажется, считать непроницаемыми для артиллерійскихъ снарядовъ.

Кромѣ усиленія флотовъ броненосными судами, предполагается еще вводить и такъ называемые фрегаты, тараны, у которыхъ носовая часть обшита желѣзомъ для того, чтобы, при быстромъ ходѣ, удобнѣе было врѣзываться въ непріятельскія суда и тѣмъ потоплять ихъ. Теперь рѣшается только еще вопросъ о томъ: должны ли фрегаты-тараны быть вполне покрыты желѣзомъ, чтобы имѣть неуязвимость и вооруженіе, одинаковыя съ броненосными фрегатами, или же должны ограничиваться только однимъ собственно тараномъ? Какъ кажется по всему, что онѣ должны бы имѣть полное вооруженіе броненоснаго фрегата, и тогда подобный броненосный фрегатъ-таранъ будетъ самымъ страшнымъ истребительнымъ орудіемъ на морѣ, и введеніе подобныхъ судовъ непременно должно будетъ оказать вліяніе на веденіе вообще морскихъ войнъ. Одно неудобство — страшная дороговизна ихъ постройки, безъ сомнѣнія, не остановитъ морскія державы при ихъ введеніи, и морскія войны сдѣлаются еще ужаснѣе, еще гибельнѣе, чѣмъ были до сихъ поръ; а слѣдовательно можно надѣяться, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сдѣлаются и рѣже и будутъ менѣе продолжительны, чѣмъ прежде.

«Артиллерійскій Журналъ», №№ 11 и 12.

Въ официальномъ отдѣлѣ разсматриваемыхъ нами двухъ номеровъ «Артиллерійскаго Журнала», помѣщено окончаніе «Отчета о занятіяхъ временнаго Артиллерійскаго Комитета въ 1859 году», а именно отдѣлы: V — «О различныхъ артиллерійскихъ опытахъ», и VI — «О развитіи артиллерійскаго образованія». Въ первомъ отдѣлѣ, главное мѣсто занимаютъ различные опыты

надъ артиллерійскими орудіями съ цѣлю доставленія имъ возможно большей поражаемости, а именно: опыты стрѣльбы калеными ядрами изъ 36 и 60-фунт. пушекъ, между тѣмъ, какъ прежде стрѣльба калеными ядрами допускалась только для 24-фунт. пушекъ, и опыты надъ стрѣльбою ядрами изъ 3-пудовыхъ бомбовыхъ пушекъ, а равно и надъ дѣйствіемъ изъ 2-пудовыхъ мортиръ дальняго бросанія утяжеленными бомбами. Также въ этомъ отдѣлѣ помѣщено и описаніе окончанія опытовъ надъ одно-пудовой стальной мортирой съ ея станкомъ, проектированными для горной артиллеріи подпоручикомъ княземъ Гагаринымъ. Мортира эта приготовлена изъ литой стали г. Круппа, имѣетъ внутреннее устройство въ точности такое, какое принято для нашей 1-пудовой мѣдной полевой мортиры; вѣсъ ея, не превосходящій $6\frac{1}{2}$ пудовъ, позволяетъ возить ее на вьюкѣ, а станокъ къ ней мѣдный, но разбирается на три вьюка: на двухъ— по станинѣ, на третьемъ— болты, станины и клинья, при чемъ грузъ на каждый вьюкъ не превосходитъ тоже $6\frac{1}{2}$ пудовъ.

Система эта была испытана въ Петербургѣ, при чемъ станокъ выдержалъ 185 выстрѣловъ, при самыхъ большихъ углахъ возвышенія, и ни одна изъ его частей не получила поврежденій. Вслѣдствіе такихъ удовлетворительныхъ результатовъ, рѣшено передать 1-пудов. стальную мортиру, на испытаніе въ большомъ размѣрѣ, въ артиллерію Кавказской арміи, и испытаніе это произвести надъ восемью 1-пуд. стальными мортирами, для чего заказать г. Круппу еще шесть мортирныхъ болванокъ и окончательно отдѣлать ихъ въ с.-петербургскомъ арсеналѣ, гдѣ изготовить также и мѣдные станки съ принадлежащими къ нимъ частями. Что же касается до вьюковъ и принадлежности, то они должны быть изготовлены въ Петербургѣ только въ одномъ экземплярѣ, и затѣмъ по этимъ образцамъ уже остальные должны быть сдѣланы на Кавказѣ, при чемъ допускается дѣлать въ нихъ измѣненія, какія, на основаніи опыта, признаны будутъ полезными. Это послѣднее распоряженіе нельзя не признать вполне рациональнымъ, такъ какъ, дѣйствительно, только на Кавказѣ, при дѣйствительномъ употребленіи въ дѣло новой мортиры, лучше всего могутъ не только оцѣнить всѣ ея достоинства и недостатки, но и исправить послѣдніе.

Въ отдѣлѣ «о развитіи артиллерійскаго образованія», упомянуты занятія комитета по составленію, просмотру и дополне-

нію разныхъ программъ, какъ-то: программы химіи, для экзамена артиллерійскихъ офицеровъ, желающихъ слушать въ Институтѣ Корпуса Горныхъ Инженеровъ курсъ металлургіи, программа для вновь учреждаемаго класса оберъ-фейерверкеровъ, программа для дивизионныхъ фейерверкерскихъ и батарейныхъ школъ, а также и для кондукторовъ и чертежниковъ артиллерійскаго вѣдомства. Между прочимъ, по поводу программъ для дивизионныхъ фейерверкерскихъ школъ, высказано мнѣніе, что школы эти «до тѣхъ поръ не будутъ удовлетворять своему назначенію, пока люди, въ нихъ поступающіе, не будутъ вполне грамотны». Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, потому что въ дивизионныя фейерверкерскія школы должны бы попадать преимущественно люди, прошедшіе уже черезъ батарейныя школы. Но оказывается, что именно, къ сожалѣнію, обученіе въ батарейныхъ школахъ идетъ не вполне такъ успѣшно, какъ бы слѣдовало, и Артиллерійское Отдѣленіе, въ своемъ отчетѣ, говоритъ, что неудовлетворительность обученія людей грамотѣ въ батареяхъ происходитъ вслѣдствіе неудовлетворительности прежней методы обученія, заставляющей безсознательно разбирать буквы: «такая метода — говорить отчетъ — убиваетъ въ учащемся всякую охоту къ ученію и скорѣе можетъ убить способности, чѣмъ развить ихъ. Безполезна обученія грамотѣ, безъ примѣненія ея къ развитію понятій солдата, видна изъ того, что множество солдатъ, обучившихся грамотѣ, по усвоенію одного процесса чтенія, почти ничѣмъ, въ отношеніи развитія, не отличались отъ безграмотныхъ». Вслѣдствіе того, артиллерійскій комитетъ полагаетъ необходимымъ измѣнить прежнюю систему обученія грамотѣ и ввести во всѣхъ батарейныхъ школахъ обученіе по новой системѣ г. Золотова и для того, прежде всего, ознакомить съ нею по два офицера изъ каждой артиллерійской дивизіи, выбравъ ихъ изъ числа такихъ, въ которыхъ ближайшее начальство, кромѣ способностей къ обученію нижнихъ чиновъ, могло замѣтить и охоту къ подобнымъ занятіямъ. Офицеровъ этихъ слѣдуетъ вызвать въ С.-Петербургъ, для изученія методы у самого г. Золотова.»

Но, кромѣ этой неудовлетворительности методы обученія грамотѣ, батарейныя школы имѣютъ еще и другія неудобства, мѣшающія успѣшному обученію въ нихъ людей. Неудобства эти высказаны въ небольшой, помѣщенной въ Смѣси № 12-го «Ар-

тиллерійскаго Журнала», статья г. Θ. Гакена: «О батарейныхъ школахъ». Между прочими неудобствами, г. Θ. Гакенъ въ числѣ наиболѣе важныхъ считаетъ то, что для одного офицера слишкомъ обременительно завѣдываніе и преподаваніе въ школѣ, что, посвятивъ себя исключительно и добросовѣстно одной только школѣ, онъ долженъ будетъ проводить въ ней по цѣлымъ днямъ и затѣмъ совершенно отказаться отъ того, чтобы слѣдить за науками и литературою.

«Вторымъ неудобствомъ въ устройствѣ школъ — говоритъ г. Θ. Гакенъ — мы считаемъ принятое въ батареяхъ правило назначать командирами школъ молодыхъ офицеровъ, часто только что выпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Правило это завведено въ артиллеріи, какъ кажется, давно и освящено временемъ. Не зная, на какомъ основаніи оно существуетъ въ батареяхъ, находимъ его неудобнымъ по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, молодому человѣку, недавно вышедшему изъ-за школьной скамьи, непріятно на первыхъ порахъ опять приниматься за книгу и указку, а то, что дѣлается неохотно, дѣлается наполовину и выходитъ въ результатѣ неудовлетворительно; во вторыхъ, многіе изъ вновь произведенныхъ прапорщиковъ, не ознакомленные съ солдатами, нѣкоторое время бываютъ не смѣлы и, при желаніи, но не зная, какъ приняться за дѣло, большею частію полагаются на фейерверкера, который, пользуясь случаемъ и не имѣя за собою строгаго надзора, не всегда бываетъ добросовѣстнымъ помощникомъ юнаго командира школы: такимъ образомъ, много времени будетъ потеряно, пока офицеръ ознакомится съ солдатами и, не конфузясь своихъ учениковъ, примется за дѣло; иногда же, для нѣкоторыхъ, это время и не наступитъ: доверившись разъ фейерверкеру, офицеръ можетъ почестъ за лучшее и легчайшее лишь изрѣдка, разъ или два въ недѣлю, посѣщать школу на нѣсколько минутъ. Что съ нѣкоторыми случится при самомъ началѣ занятій, то съ другими можетъ произойти со временемъ, — и не удивительно, потому что много нужно энергии и любви къ своему дѣлу, чтобы до конца одному вынести всю тяжесть труда обученія возмужалыхъ дѣтей-солдатъ.»

Нельзя не согласиться, чтобы въ этихъ словахъ г. Θ. Гакена не было истины; но, предлагая средства для избѣжанія этого неудобства, авторъ статьи о батарейныхъ школахъ совѣтуетъ, между прочимъ, трудъ обученія въ школѣ раздѣлить меж-

ду тремя офицерами. Конечно, это было бы превосходно, но возможно ли это? Самъ же г. *Ө. Гагенъ* говорить, что наличное число офицеровъ въ батареяхъ часто измѣняется, вслѣдствіе частыхъ командировокъ, болѣзней, отпусковъ, прикомандированія къ штабамъ бригадъ для ученія верховой ѣзды, и проч., такъ что даже взводы остаются безъ своихъ командировъ. Можно ли при этомъ надѣяться, чтобы при школѣ постоянно оставалось три офицера?

Кромѣ того, г. *Ө. Гагенъ*, для болѣе успѣшнаго хода ученія въ батарейныхъ школахъ, предлагаетъ выборъ учениковъ въ школу дѣлать непременно по ихъ умственнымъ и нравственнымъ правиламъ, снабдить школу въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями и, наконецъ, раздѣлить школу на два класса, съ тѣмъ, чтобы весь курсъ ученія производился два года. Все это, конечно, можетъ принести пользу и, безъ сомнѣнія, не будетъ упущено изъ вида артиллерійскимъ вѣдомствомъ, если только представится надобность улучшить обученіе въ батарейныхъ школахъ.

Сверхъ отчета артиллерійскаго комитета за прошлый годъ, въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ «Артиллерійскаго Журнала» помѣщенъ и перечень занятій комитета за августъ и сентябрь мѣсяцы. Изъ занятій этихъ особенно замѣчательны занятія по измѣненію существующихъ у насъ капсюлей, а также и по передѣлкѣ чугунныхъ гладкостѣнныхъ орудій въ наръзные и по испытанію разныхъ системъ лафетовъ. Первый вопросъ возникъ по предложенію инспектора пороховыхъ заводовъ, который полагалъ, для уменьшенія издержекъ на приготовленіе капсюлей, уменьшить толщину мѣдныхъ листовъ, изъ которыхъ выбиваютъ капсюльные колпаки, и уменьшить величину заряда ударнаго пороха въ капсюляхъ. Вслѣдствіе того сдѣланы были опыты надъ вновь предлагаемыми капсюлями, и, по удовлетворительности ихъ, рѣшено окончательно испытать сравнительно съ нынѣ употребляемыми, для чего 10,000 капсюлей съ утонченными стѣнками дано въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и 10,000 въ одинъ изъ армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Въ то же время, положено распределить, также для испытанія, 20,000 капсюлей съ уменьшеннымъ зарядомъ, въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и въ армейскій стрѣлковый баталіонъ. «Сверхъ того, по мнѣнію комитета, весьма было бы полезно испытать капсюли

съ утоненными стѣнками, снаряженные, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшеннымъ зарядомъ, такъ какъ результаты подобнаго испытанія могутъ быть весьма удачны и могутъ повести къ большому еще сокращенію издержекъ на приготовленіе капсулей.

Что же касается до обращенія гладкостѣнныхъ чугунныхъ орудій существующей системы въ наръзные, заряжающіяся съ дула, то пока артиллерійскій комитетъ занимается только опредѣленіемъ вида и крутизны наръзовъ для 24 и 12-фунт. чугунныхъ пушекъ, составленіемъ чертежей снарядовъ для нихъ. Орудія эти, для большей прочности, должны быть обтянуты снаружи желѣзными прутьями или же кольцами. Въ то же время, артиллерійскій комитетъ получилъ также изъ Америки орудіе, передѣланное тамъ изъ чугуна въ наръзное; но, по мнѣнію комитета, проектированное у насъ приспособленіе существующихъ чугунныхъ орудій къ стрѣльбѣ продолговатыми снарядами имѣетъ преимущество передъ приспособленіемъ доставленной изъ Америки пушки.

Вообще, дѣятельность комитета, въ послѣднее время, преимущественно сосредоточивается на испытаніяхъ разнаго рода орудій. Такъ, въ августѣ мѣсяцѣ, проектирована новая наръзная мѣдная 4-хъ-фунтовая пушка, имѣющая длину канала на одинъ калибръ короче нынѣшней 4-хъ-фунт. пушки и заряжающаяся съ казенной части по системѣ Варендорфа; а въ сентябрѣ была испытываемая, доставленная изъ Америки, желѣзная 4-хъ-дюйм. пушка системы Армстронга. Вѣсъ этой пушки въ 70 пуд. 34 фунта, длина ея 100 дюйм.; въ каналѣ сдѣлано 40 наръзовъ; снарядъ сплошной чугунный, съ двумя свинцовыми кольцами, вѣсомъ 32 фунта. Всего изъ 4-хъ-дюйм. пушки сдѣлано было 176 выстрѣловъ, при чемъ дальности, при различныхъ углахъ возвышенія (отъ 5° до 35°) получились большія, чѣмъ изъ испытанныхъ у насъ 4, 8 и 12-фунт. наръзныхъ пушекъ, что произошло главнѣйше отъ болшей тяжести снарядовъ 4-хъ-дюйм. пушки сравнительно съ нашими наръзными 8-фунт. пушками (нашъ снарядъ 8-фунт. пушки при калибрѣ 4, 18 дюйм. вѣситъ около 21 фунта, а снарядъ желѣзной 4-хъ-дюйм. пушки—32 фунта). Мѣткость выстрѣловъ изъ 4-хъ-дюйм. пушки очень хороша: изъ 14 выстрѣловъ въ мишень, длящую 20 футовъ, шириною 10 футовъ, съ разстоянія 730 сажень, 6 попало въ цѣль. Но, «во время стрѣльбы—говорится въ перечнѣ занятій—орудіе постоянно портилось, такъ что безпрестанно

оказывалось необходимымъ исправлять его, замѣнять испорченныя части новыми, и проч. Несмотря на всѣ попытки исправить это орудіе, невозможно было достигнуть того, чтобы оно оказывало удовлетворительную прочность. Такимъ образомъ, фактъ этотъ при стрѣльбѣ еще разъ доказалъ всю трудность изготовленія желѣзныхъ орудій, даже въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ механическая часть находится на высокой степени совершенства.»

Въ настоящее время, положено, сдѣлавъ еще нѣкоторыя исправленія въ желѣзной 4-хъ-дюйм. пушкѣ, продолжать дальнѣйшія надъ нею испытанія.

Въ отдѣлѣ ученоемъ и техническомъ разсматриваемыхъ двухъ номеровъ «Артиллерійскаго Журнала» помѣщены: двѣ статьи по поводу сравненія программъ для опытовъ по выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ изъ него ствольнаго желѣза, гг. подполковника Батышева и г. Русиловича; «Годовой отчетъ читской стрѣлковой школы (въ Англии) по 1 апрѣля 1858 года» (съ англійскаго), Н. Карташевскаго, и «Описаніе прибора и способа опредѣленія статическаго момента въ орудійномъ баллистическомъ маятникѣ», Константина Ракусы-Сущевскаго. Сверхъ того, въ Смѣси—нѣсколько мелкихъ статей и замѣчаній, между которыми обращаетъ на себя вниманіе, переведенная изъ австрійскаго военнаго журнала, статья: «Замѣтки о тактическомъ употребленіи нарѣзныхъ орудій», капитана австрійской артиллеріи Гессера. Авторъ этой статьи старается опредѣлить, какое значеніе, въ будущихъ сраженіяхъ, должны имѣть нарѣзныя орудія и какое вліяніе будетъ имѣть ихъ употребленіе на другіе роды войскъ. Предполагая, что дальность нарѣзныхъ орудій простирается до 4,000—5,000 шаговъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что является необходимость «двести маневрированіе войскъ до возможной степени совершенства; приготовленія къ бою, развертываніе войскъ должны производиться заблаговременно; резервы слѣдуетъ ставить вдали, и потому они должны умѣть, въ случаѣ надобности, быстро двигаться впередъ». Притомъ, резервы, для того, чтобы не подвергаться огню непріятеля, должны будутъ укрываться за мѣстными преградами или же постоянно перемѣнять мѣсто своего расположенія. Стрѣлкамъ и кавалеріи, особенно легкой, авторъ обѣщаетъ наибольшее значеніе въ будущихъ сраженіяхъ. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться; но гораздо труднѣе согласиться съ тѣмъ предположеніемъ автора, что и гладкостѣнные орудія въ

будущемъ не только не утратятъ своего значенія, но даже и получать еще большее. Онъ говоритъ, что нарѣзные орудія страшны лишь издали, а что на близкихъ дистанціяхъ огонь ихъ уравнивается съ гладкостѣнными, и даже послѣднія своею картечью приобрѣтаютъ преимущество надъ нарѣзными; слѣдовательно, если только гладкостѣнные, малаго калибра орудія будутъ имѣть большую подвижность, то, вынесшись на самую близкую дистанцію къ нарѣзнымъ, они могутъ совершенно возстановить бой въ свою пользу. Но чего же будетъ стоить именно вынестись на самую ближайшую дистанцію, когда, въ началѣ этого движенія, гладкостѣнная батарея будетъ подвергаться огню нарѣзныхъ орудій, а въ концѣ—огню штуцеровъ, который тоже стоитъ картечи? Удастся ли еще ей сняться съ передковъ—вотъ вопросъ. Капитанъ Гессеръ какъ будто бы забываетъ, что нарѣзные батареи еще подвижнѣе, чѣмъ существующія нынѣ гладкостѣнные, потому что, во всей своей статьѣ, онъ постоянно отзывается только о послѣднихъ, какъ о подвижныхъ, а первыя считаетъ какъ бы позиціонными орудіями. Правда, что, въ концѣ своей статьи, онъ оговаривается, что гладкоствольныя орудія останутся еще надолго во многихъ арміяхъ, потому что, вообще, затруднительно разомъ замѣнить всѣхъ ихъ нарѣзными. Это другое дѣло, если эти орудія останутся лишь временно; но не думаемъ, чтобы, со всеобщимъ введеніемъ нарѣзныхъ орудій, сочли еще необходимымъ оставлять нарочно при нихъ и гладкостѣнные: это была бы только совершенно излишняя для арміи обуза, которую въ дѣло почти нельзя было бы употреблять, развѣ только рѣшаясь на самыя громадныя пожертвованія. Гораздо вѣрнѣе то, что мы видимъ и на самомъ дѣлѣ, что тѣмъ или другимъ способомъ, а найдутъ возможность придать нарѣзнымъ орудіямъ картечь, и тогда они, не нуждаясь въ содѣйствіи гладкостѣнныхъ орудій, будутъ столь же страшны и на близкихъ, какъ и на дальнихъ разстояніяхъ.
